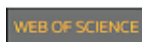

Кириленко С. В. Трехкомпонентная система языкового планирования (на материале тувинского, калмыцкого и карельского языков) / С. В. Кириленко // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 97—111. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-97-111.

Kirilenko, S. V. (2021). Three-Component System of Language Planning: A Case Study Tuvan, Kalmyk and Karelian. *Nauchnyi dialog*, 4: 97-111. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-97-111. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-97-111

Трехкомпонентная система языкового планирования (на материале тувинского, калмыцкого и карельского языков)

Кириленко Светлана Владимировна
orcid.org/0000-0001-7902-6032
кандидат филологических наук, доцент
svetlanavk@inbox.ru

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
и Немецкого научно-исследовательского
сообщества в рамках научного проекта
№ 21-512-12002 ННИО_а
«Методы прогнозирования и будущие
сценарии развития языковой политики
(на примере многоязычной
Российской Федерации)»

Three-Component System of Language Planning: A Case Study Tuvan, Kalmyk and Karelian

Svetlana V. Kirilenko
orcid.org/0000-0001-7902-6032
PhD in Philology, Associate Professor
svetlanavk@inbox.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded
by RFBR and DFG,
project number 21-512-12002 ННИО_а
“Prognostic methods and future scenarios
in language policy — multilingual
Russia as an example”

© Кириленко С. В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выполнен обзор существующих подходов к исследованию проблемы языкового планирования. Изучаются особенности реализации его основных аспектов. Сопоставляются определения термина «языковое планирование» в отечественной и зарубежной социолингвистике. Изучается деятельность акторов на макроуровне и микроуровне языкового планирования. Уделяется внимание целям языкового планирования, в число которых входят не только работа над изменениями в сферах использования языка, но и противодействие речевому сдвигу, который в конечном итоге может привести к смерти языка. Языковое планирование рассматривается как совокупность трех основных направлений: статусного планирования, корпусного планирования и планируемого освоения языка. Представлены результаты сопоставительного анализа указанных компонентов в отношении некоторых титульных языков Российской Федерации: тувинского языка, калмыцкого языка и карельского языка. Утверждается, что престижное планирование — основа для успешного языкового прогнозирования. Подчеркивается важность учета как социального, так и политического компонентов в языковом прогнозировании. Актуальность исследования обусловлена необходимостью создания базы для последующего лингвопрогноза, что невозможно без аналитического оценивания существующей языковой ситуации.

Ключевые слова:

языковое планирование; языковое прогнозирование; языковые функции; говорящие; титульные языки; статусное планирование; корпусное планирование; планируемое овладение языком.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The review of existing approaches to the study of the problem of language planning is carried out. The features of the implementation of its main aspects are studied. The definitions of the term “language planning” in domestic and foreign sociolinguistics are compared. The activity of actors is studied at the macrolevel and microlevel of language planning. Attention is paid to the goals of language planning, which include not only work on changes in the areas of language use, but also counteraction to the speech shift, which can ultimately lead to the death of the language. Language planning is viewed as a combination of three main areas: status planning, corpus planning and planned language acquisition. The article presents the results of a comparative analysis of these components in relation to some of the title languages of the Russian Federation: Tuvan, Kalmyk and Karelian. It is argued that prestigious planning is the foundation for successful language forecasting. The importance of considering both social and political components in language forecasting is emphasized. The relevance of the study is due to the need to create a base for the subsequent linguistic forecast, which is impossible without an analytical assessment of the existing linguistic situation.

Key words:

language planning; language forecasting; language functions; speaking; title languages; status planning; corpus planning; planned language acquisition.

Трехкомпонентная система языкового планирования (на материале тувинского, калмыцкого и карельского языков)

© Кириленко С. В., 2021

1. Введение

Языковые изменения — это изменения, касающиеся не только внутренней структуры языка, но и его функциональной составляющей — расширения или сужения сфер использования языка. Часть этих изменений происходит естественным образом, однако они могут являться и следствием языкового планирования, которое в той или иной мере реализуется в языковых сообществах по всему миру. Так, ведется изучение структурных изменений определенного языка, работа в области расширения его функций, увеличения числа говорящих на нем. Необходимость в языковом планировании обычно обусловлена сформировавшейся потребностью в корректировке языковых функций для определенного языкового сообщества.

Новизна предлагаемого исследования заключается в том, что языковое планирование рассмотрено как совокупность трех компонентов: статусного и корпусного планирования, а также планируемого освоения языка. Посредством применения данной модели в настоящей статье анализируются тувинский, калмыцкий и карельский языки Российской Федерации. Актуальность работы обусловлена тем, что определение и апробация перспективных рабочих методов языкового планирования являются важными составляющими анализа языковой ситуации для последующей выработки моделей языкового прогнозирования.

2. Основные подходы к анализу языкового поведения говорящих в аспекте языкового планирования в современной социалингвистике

Языковое планирование определяется в отечественной социальной лингвистике как «один из видов человеческой деятельности, направленной на решение языковых проблем» [ЯиО, с. 847]. В зарубежной социалингвистике этот термин трактуется в более узком смысле. Языковое планирование считается направлением прикладной лингвистики; «оно относится к преднамеренным и ориентированным на будущее действиям, целью которых является оказание влияния на язык или изменение в языковом поведении говорящих на этом языке» [DS, с. 173].

Языковое планирование может осуществляться на макроуровне, который включает в себя национальный или государственный уровни и пред-

полагает принятие мер по реализации решений в рамках существующей языковой политики. В этом случае акторами выступают государственные или правительственные организации. Работа на микроуровне языкового планирования заключается в анализе коммуникативных моделей, дискурса, вопросов идентичности этнических групп. Вопросами языкового планирования на микроуровне могут заниматься неправительственные организации (например, Французская академия или Королевская академия испанского языка), общественные организации (Австралийская федерация учителей современного языка), языковые активисты, в редких случаях отдельные личности. Норвежский лингвист Ивар Осен создал народный вариант норвежского языка ланнсмол («язык страны»), который стал основой современного новонорвежского языка.

Цели языкового планирования могут различаться. Обычно его целью является расширение сфер использования языка, увеличение возможностей получения образования на языке, стандартизация языкового варианта для улучшения коммуникации внутри языкового сообщества. Довольно частым случаем необходимости использования стратегий языкового планирования является противодействие языковому сдвигу, то есть процессу, при котором говорящие, обычно проходя через стадию билингвизма, отказываются от употребления своего языка. Также языковое планирование может служить инструментом продвижения лингвистического национализма.

Отдельные исследователи считают, что термин *языковое планирование* целесообразно считать синонимом термина *языковая политика* [Скачкова, 2015, с. 130] в связи с зависимостью этого феномена от политики, проводимой государством. Однако последнее понятие все же обычно связывают с более общими социальными, политическими, языковыми целями, которые лежат в основе практической деятельности специалистов, занимающихся языковым планированием, поэтому языковую политику можно считать одной из составляющих языкового планирования [Corper, 1989, с. 29].

Языковое планирование изначально реализовывалось в рамках политики «сверху-вниз» (top-down perspective), то есть главными акторами выступали организации, которые вели деятельность по языковому строительству на национальном или государственном уровнях [Tollefson, 2007, с. 4]. В процессе языкового строительства в России и деятельности по языковому планированию за рубежом велась работа по увеличению количества обучающихся языку и на языке, по его кодификации, создавались методические материалы. Ключевую роль здесь играли специалисты, занимающиеся вопросами языкового развития.

Современные тенденции в языковом планировании связаны с изучением деятельности социальных акторов в моделях реализуемой языковой

политики. Некоторые исследователи считают, что языковое планирование должно восприниматься как часть общей многослойной структуры, которая, метафорически выражаясь, напоминает «луковицу», где в каждом слое сосредоточены свои социальные акторы, реализующие решения языкового планирования либо обоснованно противостоящие им [Hornberger et.al, 2007].

В языковом планировании сочетаются два основных подхода: планирование политики деятельности (policy planning) (когда основное внимание уделяется языковой форме) и планирование совершенствования языка (cultivation planning) (основное внимание — функционированию языка) [Hornberger, 2006]. Существует также планирование использования языка (usage planning), целью которого является расширение сфер использования языка, чаще всего данная стратегия языкового планирования применяется в процессе работы с исчезающими языками.

Языковое планирование включает в себя различные виды деятельности: выработка языкового стандарта, выбор языка официального общения или обучения, установление диалектной базы для ранее бесписьменного языка, выбор письменной основы языка или ее изменение, поддержка миноритарных языков, систематизация научной терминологии и создание терминологических словарей.

Языковое планирование подразделяется на три основных направления деятельности: статусное планирование (функциональный статус языка), корпусное планирование (изменения в языковой структуре) и планируемое освоение языка (регулирование распределения языковых ресурсов). Корпусное планирование обычно является следствием статусного, так как первоначально необходимо изменение в наборе функций, а лишь за ним следуют изменения в корпусе.

Термин *статусное планирование* связан с регулированием потребности в языковых ресурсах, а также с языковым окружением, то есть со средой, в которой язык используется. В процессе статусного планирования ведется работа над языковыми функциями с точки зрения изменения языкового статуса у любых вариантов языка. Статус и распределение языковых вариантов в сообществе могут изменяться посредством статусного планирования. При этом принимаются в расчет официальная, символическая, региональная, интернациональная, образовательная, религиозная и другие функции языка [Corrêge, 2010, с. 99—116].

Термин *корпусное планирование* как новая номинация появился благодаря немецкому лингвисту Х. Клоссу в 1960-х годах. Языковой корпус обычно изменяется в соответствии с задачами, поставленными в рамках статусного планирования. Корпусное планирование можно определить как

лингвистический внутрисистемный аспект языкового планирования. Оно включает в себя все виды деятельности по работе с языковой структурой. Основные понятийные категории в корпусном планировании — это графизация (работа с алфавитом, системой письменности языка), стандартизация и модернизация. Изменения в письменности, фиксирование новых слов и терминов, создание грамматических справочников, подготовка словарей — все это и многое другое входит в корпусное планирование, которое часто является следствием произошедших в языке изменений в связи с расширением его коммуникативного функционала. Неязыковые цели также могут влиять на изменение корпуса языка, например, недавнее появление феминитивов в русском языке типа *блогерка*, *авторка* обусловлено тем, что их продвигают некоторые языковые активисты, однако, надо отметить, внедрение в речь такого рода номинаций не встречает какой-либо значимой поддержки у языкового коллектива.

Планируемое овладение языком (acquisition planning) — это организованные усилия, направленные на продвижение изучения языка, связанные с регулированием распределения языковых ресурсов. Термин был введен Робертом Купером в 1989 году. Обучение языку является основной задачей деятельности в контексте планируемого овладения языком. Этот вид языкового планирования имеет две направленности: улучшение возможностей изучения языка и создание стимулов для его изучения [Corper, 2010, с. 159].

Создание «языковых гнезд», курсов изучения языка для иммигрантов, изменения в письменности — все это относится к планируемому овладению языком. СМИ также могут быть задействованы в данном процессе. Так, новостные программы могут выпускаться в двух вариантах в зависимости от темпа речи дикторов, обычного и замедленного, и одновременно предлагается печатная версия этого выпуска. Например, на сайте voanews.com можно смотреть и слушать новостные англоязычные программы даже в зависимости от уровня владения языком: начального, среднего и продвинутого.

3. Аспекты языкового планирования на материале тувинского, калмыцкого и карельского языков

Рассмотрим современную языковую ситуацию в аспекте языкового планирования в Республике Тува, Республике Калмыкия и Республике Карелия.

3.1. Тувинский язык

Тувинский язык относится к категории уязвимых языков (vulnerable — так определяется статус этого языка в ЮНЕСКО [UNESCO]). За 60 лет тувинское население выросло более чем вдвое: от примерно 100 тысяч человек в 1959 году до 283 тысяч человек в 2010 году. Общее число говорящих на тувинском языке составляет около 253 тысяч человек. В настоящее вре-

мя тувинский язык обладает значительной функциональной мощностью идиома. Наиболее важным фактором, оказывающим положительное влияние на стабильность тувинского языка, является компактность проживания говорящих [Цыбенова, 2019, с. 471].

В рамках *статусного планирования* компоненты, необходимые для продвижения тувинского языка, в настоящее время развиты в значительной степени. Проводится обучение на языке, издаются нормативные акты, в суде и правоохранительных органах предоставляется перевод на тувинский. При этом социальная престижность тувинского языка находится на недостаточно высоком уровне, необходимом для его развития [Серээдар, 2018, с. 14], что влечет за собой снижение показателей речевой компетенции молодежи, отказ родителей от изучения родного языка их детьми в школах, в плане межпоколенческой передачи языка также намечаются негативные тенденции. В целом можно сказать, что в настоящее время тувинский язык находится в функциональной дополнителности по отношению к русскому языку, в связи с тем что «доминантными сферами использования тувинского языка сегодня являются неофициальные сферы, а именно семейно-бытовая и межличностного общения» [Цыбенова, 2013, с. 20].

Корпусное планирование тувинского языка находится в стадии становления, продолжается работа над выработкой функционально-терминологической основы языка. Тувинский язык является младописьменным. В 1930-е годы письменной основой была латиница, но в 1940-е годы был введен русский алфавит с тремя дополнительными буквами. Развитие языковой системы осложнялось тем, что «как социальная норма образование сложилось в Туве в 50—60-е гг. XX в., до данного периода основная масса населения оставалась неграмотной» [Там же, с. 12]. В постановлении «Об утверждении государственной программы Республики Тыва “Развитие тувинского языка на 2017—2020 годы”» отмечается, что многие задачи в части корпусного планирования еще не решены: требуется выработка языковой нормы тувинского языка, систематизация терминологии, используемой в ФГОС, существует нехватка учебной литературы в школе.

В области *планируемого овладения* тувинским языком ситуация осложняется современным сужением функций и сфер его применения, он мало востребован за стенами школы (в дальнейшем обучении, на работе). По данным министерства образования за 2018 год (более поздние данные в настоящее время недоступны), обучение на тувинском языке реализуется среди примерно 17 тысяч учащихся в 27 городских и 122 сельских школах, в основном это учащиеся 1—4 классов, учащиеся среднего звена составляют около 10 %. Около 22 тысяч школьников изучают тувинский язык как предмет [МОН].

Таким образом, можно сделать вывод, что необходима выработка дополнительных стратегий в отношении всех аспектов языкового планирования тувинского языка с целью предотвращения негативных последствий сдвига, который в настоящее время наблюдается в молодёжной языковой среде [Боргоякова и др., 2020, с. 50]. О важности языкового планирования свидетельствует сохраняющийся высокий уровень лояльности тувинцев к своему языку [Дырхеева и др., 2020, с. 67].

3.2. Калмыцкий язык

Калмыцкий язык относится к категории исчезающих языков (*definitely endangered* — уровень витальности по ЮНЕСКО). За 60 лет этническая группа увеличилась примерно в два раза: от 100 603 человек в 1959 году до 183 372 человек в 2010 году. Количество говорящих на калмыцком языке в РФ по показателям за 2010 год составляет около 80 тысяч человек [ВПН].

В отношении *статусного планирования* можно сказать, что функциональные компоненты калмыцкого языка развиты незначительно. Практика многоязычного общения в школах реализуется преимущественно в начальном звене. В административной, правительственной и судебной сферах калмыцкий язык используется мало [ЯиО, с. 195]. Межпоколенная передача языка находится под угрозой, так как для «молодых людей и подростков (1980—1990-х годов рождения) и детей (2000-ых годов рождения) родным языком является русский, калмыцким они владеют в рамках школьной программы» [Баранова, 2009, с. 36].

Хотя *корпусное планирование* калмыцкого языка в части кодификации имеет давнюю историю и калмыцкий язык является старописьменным, литературная норма в нем начала складываться только в 1930-е годы [ЯиО, 2016, с. 192]. Отмечается существование литературного и разговорного вариантов языка. Интересен тот факт, что устная и письменная формы языка используются возрастными группами по-разному: у пожилых людей преобладает устная форма, а у молодежи — письменная [Баранова, 2009, с. 34—35]. В целом важно отметить, что языковая лояльность среди калмыков высокая, курсы и интернет-сообщества по изучению языка пользуются большой популярностью [Кованова и др., 2019, с. 1102].

В области *планируемого овладения* калмыцким языком сложилась противоречивая ситуация. Калмыцкий является языком воспитания (преимущественно в начальной школе) и языком обучения. Около 3 тысяч учеников изучают калмыцкий как родной, на 90 % это ученики начальных классов. Как язык обучения калмыцкий преподается в начальной и средней школе примерно в равных количественных показателях, 7 и 9 тысяч учеников соответственно, но в старшей школе его изучают только 2,4 тысячи учащихся [МОН]. При этом наблюдаются сложности с методиче-

скими материалами и самой методикой обучения (преподается литературный вариант языка, возникают трудности с его разговорной формой). Поднимается вопрос о необходимости «перехода на преподавание калмыцкого языка как иностранного» [Кованова и др., 2019, с. 1102]. Проводятся стандартизированные испытания на языке: в 2008 году в старших классах появились обязательные экзамены на знание калмыцкого языка и калмыцкой литературы.

Резюмируя приводимые выше данные, можно высказать предположение о том, что в отношении калмыцкого языка актуальной будет работа с публичной престижностью языка, так как другая — скрытая — престижность, распространенная в анклавах и локальных сообществах, по всей видимости, сохраняется на высоком уровне, о чем свидетельствуют данные исследований [Баранова, 2009; Bitkeeva, 2011].

3.3. Карельский язык

Карельский язык относится к категории исчезающих языков (definitely endangered — так определяется статус этого языка в ЮНЕСКО [UNESCO]). За 60 лет количество карелов сократилось примерно втрое: с 130 929 человек в 1959 году до 45 570 человек в 2010 году. Общее число говорящих на карельском языке составляет около 25 тысяч человек, причем в самой республике Карелия проживает около 15 тысяч говорящих [ВПН]. В 2009 году был утвержден план комплексных мероприятий «Развитие Карельского языка в Республике Карелия на 2009—2020 годы» с целью сохранения и развития карельского языка в регионе, однако, по всей видимости, результаты принятых мер окажутся скромными.

В рамках *статусного планирования* компоненты, необходимые для продвижения карельского языка, практически не развиты. Почти отсутствует общение на карельском языке в системе школьного и высшего образования. Устный и письменный перевод на карельский язык в государственных учреждениях не осуществляется в связи с тем, что этот язык, хотя он и является титульным, не получил статуса официального языка республики. Необходима поддержка карельского языка в сфере семейного общения, поскольку межпоколенческая передача языка угасает. Большинство говорящих — это люди старшего возраста. Молодежь и люди среднего возраста слабо владеют карельским языком.

Корпусное планирование карельского языка находится в стадии становления. Карельский язык является новописьменным. В период языкового строительства предпринимались попытки создания алфавита для карельского языка и на кириллице, и на латинице. Однако лишь в апреле 1989 года был утвержден латинский алфавит для карельского языка. В связи с тем, что у карельского языка есть языковые варианты (карельский,

ливвиковский и людиковский), до сих пор ведутся дискуссии о выработке единой языковой нормы, создании стандарта языка.

В 2019 году зарегистрированы 4 газеты и 1 журнал, также вышли из печати 11 книг, что немногим выше, чем, скажем, в 2012 году, в котором было 3 газеты, 1 журнал и 4 книги [РКП]. В онлайн-сфере ситуация, напротив, развивается более активно. На карельский язык был переведен интерфейс ВКонтакте. В Википедии «на ливвиковском наречии написано около трех тысяч статей, которые обновляются силами примерно 100 человек» — учеными финского университета [ПЗ]. Существуют онлайн-словари на карельском языке. Начали создаваться онлайн-библиотеки, например, в электронной библиотеке Тверской области есть несколько изданий на карельском языке.

В отношении *планируемого овладения* карельским языком сложилась непростая ситуация. Мотивация к изучению языка у школьников развита слабо. У учителей карельского языка большие сложности с трудоустройством. В Петрозаводском госуниверситете примерно 20 человек выпускались ежегодно (с 1991 по 2009 год) с дипломом «учитель карельского языка», в 2016 году это число сократилось до нуля [PD]. Впоследствии эту специальность объединили с финским языком и литературой в профиле «Зарубежная филология».

Согласно данным министерства образования за 2018 год, обучение на карельском языке не проводится. Карельский язык как предмет в 2018 году преподавался в 6 городских и 15 сельских школах. Общее количество обучающихся составило 1758 человек, две трети из них — это ученики начальной школы [МОН]. По сравнению с 1993 годом количество школьников, изучающих карельский язык, немного снизилось (1,8—2,2 тысячи учащихся изучали карельский в 1993 году) [PD]. Стандартизированные испытания на знание карельского языка можно пройти в форме ОГЭ, также при участии в олимпиадах. В 2019 году 14 человек сдали ОГЭ на карельском языке, в 2018 этот экзамен сдавали 20 школьников [MF].

Подводя итоги вышесказанному, можно заключить, что, по всей видимости, необходима работа с престижным планированием карельского языка с целью повышения лояльности к нему языкового сообщества карелов.

4. Трудности лингвопрогноза в языковом планировании

Языковое планирование ставит своей целью выработку оптимальной программы для функционального развития языка. В свою очередь языковое прогнозирование является одним из направлений деятельности языкового планирования. Оно направлено на выработку предположений относительно будущего развития языка в целом либо отдельных сфер его функционирования. Языковое прогнозирование — это «исследование конкретных перспек-

тив развития как отдельного языка, его внутренней структуры, так и языковой ситуации в той или иной социальной общности» [ЯиО, с. 847]. Для того чтобы языковое прогнозирование стало эффективным инструментом деятельности языкового планирования, требуется сочетание двух факторов: «во-первых, высокая степень вовлеченности государственных структур и общественных организаций в сферу сохранения языков, языкового многообразия в целом, во-вторых, участие самих языковых общностей в процессе создания и культивации идеологием, способствующих формированию образа перспективного современного языка» [Биткеева и др., 2019, с. 19].

В целом лингвопрогноз в отношении мер, принимаемых в рамках языкового планирования, является весьма непростой задачей. Несмотря на кажущиеся очевидными преимущества билингвального обучения, родители зачастую отказываются отдавать своих детей в подобные классы или школы. Письменность, создаваемая для бесписьменного языка, может оказаться не принятой говорящими, как произошло, к примеру, с яналифом, созданным для тюркских языков в 1920—30-е годы в СССР. Усилия государства, направленные на подготовку учителей, обучающихся языку, в некоторых случаях не получают поддержки в профессиональной среде. «В последнее десятилетие отчетливо проявилась проблема трудоустройства выпускников, имеющих квалификацию учителей карельского и вепсского языков — с 2003 г. вакансии учителей этого профиля практически не предлагались» [PD]. Развертывание программы обучения родному языку тоже иногда бывает осложнено сопротивлением со стороны говорящих на этом языке. В. М. Алпатов отмечает, что, хотя в процессе реализации национально-языковой политики в 1920—30-е годы не отмечалось какого-либо значимого противодействия, все же на местах иногда возникали трудности: «Кое-где на Северном Кавказе первых учителей родного языка расстреливали вместе с их букварями» [Алпатов, 2000, с. 46]. Программы изучения языка в школьном образовании, равно как и научная терминология, создаваемая в целях расширения сфер использования языка, могут оказаться невостребованными говорящими на этом языке в связи с низкой престижностью языкового варианта.

5. Заключение

Проанализировав языковое планирование на материале карельского, калмыцкого и тувинского языков с помощью трех описанных выше компонентов, можно сделать несколько выводов:

— статусное планирование карельского и калмыцкого языков требует значительной доработки, тогда как статусное планирование тувинского языка находится на высоком уровне;

— корпусное планирование находится в стадии становления у всех трех рассмотренных языков;

— планируемое овладение языком требует решения задачи с престижным планированием для всех рассмотренных языков, без этого невозможно расширение сфер их применения, а следовательно, невозможно и расширение сферы применения этого компонента языкового планирования.

Важно отметить, что языковое планирование нужно рассматривать во взаимосвязи с политическим и социальным состоянием конкретного языкового сообщества. Прежде всего необходимо определить, насколько актуальными для рассматриваемого сообщества будут являться меры по расширению функционального потенциала языка. Сочетание социального и символического аспектов использования языка, восприятие его говорящими, их отношение не только к языковому стандарту, но и к вариантам языка — все это нужно принимать во внимание при построении моделей языкового развития.

Успешное достижение целей языкового планирования возможно лишь в результате грамотного стратегического построения этапов языкового планирования с проведением анализа перспектив языкового развития в сложившейся языковой ситуации и разработки прогностических моделей языковой динамики, которая станет следствием сознательного воздействия на язык.

Источники и принятые сокращения

1. ВПН — *Всероссийская перепись населения 2010* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 21.10.2020).

2. МОН — *Реестр* открытых данных Министерства образования и науки РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://xn-8sbldzzacvuc0jbg.xn-80abucjiibhv9a.xn-p1ai/opendata/> (дата обращения 21.10.2020).

3. ПЗ — *Петрозаводск говорит* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ptzgovorit.ru/news/v-vikipedii-poyavilis-stranicy-na-karelskom-yazyke> (дата обращения 21.10.2020).

4. РКП — *Книжная палата* : статистический учет печатной продукции России [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.bookchamber.ru/statistics.html> (дата обращения 21.10.2020).

5. ЯиО — *Язык и общество* : энциклопедия. — Москва : Азбуковник, 2016. — 872 с. — ISBN 978-5-91172-129-9.

6. DS — *A Dictionary of Sociolinguistics* / Joan Swann, etc. — Edinburgh University Press, 2012. — 368 p. — ISBN 0-7486-1690-X.

7. MF — *Интернет-издание Mel.fm*. Кто и зачем сдаёт карельский язык на ОГЭ [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://mel.fm/shkola/1824975-karelian-language> (дата обращения 21.10.2020).

8. PD — *Pandia.ru*. Интернет-издание. Карельский язык в системе образования Республики Карелия [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://pandia.ru/text/78/024/5226.php> (дата обращения 21.10.2020).

9. UNESCO [Электронный ресурс]. — Режим доступа : www.unesco.org/new/en/culture/themes/endangered-languages/language-vitality (дата обращения 21.10.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алпатов В. М.* 150 языков и политика 1917—2000 : социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства / В. М. Алпатов. — Издание 2-е, дополненное. — Москва : Крафт ; ИВ РАН, 2000. — 224 с. — ISBN 5-89282-022-X.

2. *Баранова В. В.* Языковая ситуация в Калмыкии : социолингвистический очерк / В. В. Баранова // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. — 2009. — Том V, часть 2. — С. 22—41.

3. *Биткеева А. Н.* Прогнозирование и языковое многообразие в РФ / А. Н. Биткеева, М. Вингендер, В. Ю. Михальченко // *Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание*. — 2019. — Т. 18, № 3. — С. 6—23. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.1>.

4. *Боргоякова Т. Г.* Тувинский язык в правовом и функциональном измерении [Электронный ресурс] / Т. Г. Боргоякова, А. Н. Биткеева // *Новые исследования Тувы*. — 2020. — № 1. — С. 50—61. — Режим доступа : <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/914> (дата обращения 21.10.2020).

5. *Дырхеева Г. А.* Языковые установки и языковая лояльность носителей малых языков в условиях национально-русского двуязычия (на примере бурят и тувинцев) / Г. А. Дырхеева, Ч. С. Цыбенова // *Новые исследования Тувы*. — 2020. — № 1. — С. 62—74.

6. *Кованова Е. С.* Этнокультурная безопасность и проблемы сохранения языка в Калмыкии и Бурятии / Е. С. Кованова, Н. В. Бадамаева, Р. А. Удаев, С. Г. Алексеев // *Oriental Studies*. — 2019. — № 12 (6). — С. 1096—1106. — DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1096-1106 (дата обращения 21.10.2020).

7. *Серээдар Н. М.* Тувинский язык как средство общения тувинцев : проблемы и перспективы / Н. М. Серээдар // *Новые исследования Тувы*. — 2018. — № 1. — С. 4—19. — DOI: 10.25178/nit.2018.1.1.

8. *Скачкова И. И.* Языковая политика и языковое планирование : определение понятий / И. И. Скачкова // *Политическая лингвистика*. — 2015. — № 1 (51). — С. 126—131.

9. *Цыбенова Ч. С.* Современная языковая ситуация в Республике Тыва : социопсихолингвистический аспект : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Ч. С. Цыбенова. — Улан-Удэ, 2013. — 24 с.

10. *Цыбенова Ч. С.* Социальная характеристика языковой ситуации в Республике Тыва / Ч. С. Цыбенова // *Oriental Studies*. — 2019. — № 3. — С. 460—477. — DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-460-477.

11. *Bitkeeva A. N.* The role of the Community and language policy in Kalmyk language revitalization initiatives / A. N. Bitkeeva // *Indigenous languages across the generations — strengthening families and communities*. Arizona State University Center for Indian education. — 2011. — Pp. 321—329.

12. *Cooper R. L.* Language planning and social change / R. L. Cooper. — Cambridge University Press, 2010. — 216 p. — ISBN 0-521-33359-8.

13. *Hornberger N. H.* Frameworks and models in language policy and planning / N. H. Hornberger // *An Introduction to Language Policy. Theory and method*. — Malden, MA : Blackwell Publishing, 2006. — Pp. 24—41.

14. Hornberger N. H. "Slicing the Onion Ethnographically : Layers and Spaces in Multilingual Language Education Policy and Practice." / N. H. Hornberger, D. C. Johnson // *TESOL Quarterly*. — 2007. — Vol. 41, № 3. — Pp. 509—532.

15. Ricento T. Unpeeling the onion : Language planning and policy and the ELT professional / T. Ricento, N. H. Hornberger // *TESOL Quarterly*. — 1996. — Vol 30. — № (3). — Pp. 401—427.

16. Tollefson J. W. Language planning in education / Kendall A. King, Nancy H. Hornberger (eds.) // *Encyclopedia of Language and Education* (10 volume set). 2nd Edition. — Springer, 2007. — Volume 1. — ISBN-13 978-0-387-32875-1.

MATERIAL RESOURCES

DS — *A Dictionary of Sociolinguistics*. (2012). Edinburgh University Press. 368 p. ISBN 0-7486-1690-X.

MF — *Online publication Mel.fm. Who and why passes the Karelian language at the OGE*. Available at: https://mel.fm/shkola/1824975-karelian_language (accessed 21.10.2020). (In Russ.).

MON — *Register of open data of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation*. Available at: <http://xn-8sbldczzaqvuc0jbg.xn-80abucjiibhv9a.xn-p1ai/opendata/> (accessed 21.10.2020). (In Russ.).

PD — *Pandia.ru. Online publication. Karelian language in the education system of the Republic of Karelia*. Available at: <https://pandia.ru/text/78/024/5226.php> (accessed 21.10.2020). (In Russ.).

PZ — *Petrozavodsk speaks*. Available at: <https://ptzgovorit.ru/news/v-vikipedii-poyavilis-stranicy-na-karelskom-yazyke> (accessed 21.10.2020). (In Russ.).

RCP — *Book Chamber: statistical accounting of printed products in Russia*. Available at: <http://www.bookchamber.ru/statistics.html> (accessed 21.10.2020). (In Russ.).

UNESCO. Available at: www.unesco.org/new/en/culture/themes/endangered-languages/language-vitality (accessed 21.10.2020). (In Russ.).

VPN — *All-Russian Population Census 2010*. Available at: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed 21.10.2020). (In Russ.).

YaiO — *Language and Society: Encyclopedia*. (2016). Moscow: Azbukovnik. 872 p. ISBN 978-5-91172-129-9. (In Russ.).

REFERENCES

Alpatov, V. M. (2000). *150 languages and politics 1917—2000: sociolinguistic problems of the USSR and the post-Soviet space*. Moscow: KRAFT; IV RAS. 224 p. ISBN 5-89282-022-X. (In Russ.).

Baranova, V. V. (2009). The linguistic situation in Kalmykia: a sociolinguistic essay. In: *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research, V (2)*: 22—41. (In Russ.).

Bitkeeva, A. N. (2011). The role of the Community and language policy in Kalmyk language revitalization initiatives. In: *Indigenous languages across the generations — strengthening families and communities*. Arizona State University Center for Indian education. 321—329.

- Bitkeeva, A. N., Wingender, M., Mikhaltchenko, V. Yu. (2019). Forecasting and linguistic diversity in the Russian Federation. *Bulletin of the Volga State University. Series 2 Linguistics*, 18 (3): 6—23. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.1>. (In Russ.).
- Borgoyakova, T. G., Bitkeeva, A. N. (2020). Tuvan language in the legal and functional dimension. *New studies of Tuva*, 1: 50—61. Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/914> (accessed 21.10.2020). (In Russ.).
- Cooper, R. L. (2010). *Language planning and social change*. Cambridge University Press. 216 p. ISBN 0-521-33359-8.
- Dyrheeva, G. A., Tsybenova, Ch. S. (2020). Language settings and language loyalty of native speakers of small languages in the conditions of national-Russian bilingualism (on the example of Buryats and Tuvinians). *New studies of Tuva*, 1: 62—74. (In Russ.).
- Hornberger, N. H. (2006). Frameworks and models in language policy and planning. In: *An Introduction to Language Policy. Theory and method*. Malden, MA: Blackwell Publishing. Pp. 24—41.
- Hornberger, N. H., Johnson, D. C. (2007). “Slicing the Onion Ethnographically: Layers and Spaces in Multilingual Language Education Policy and Practice.” *TESOL Quarterly*, 41 (3): 509—532.
- Kovanova, E. S., Badmaeva, N. V., Udaev, R. A., Alekseev, S. G. (2019). Ethnocultural security and problems of language preservation in Kalmykia and Buryatia. *Oriental Studies*, 12 (6): 1096—1106. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1096-1106 (accessed 21.10.2020). (In Russ.).
- Ricento, T., Hornberger, N. H. (1996). Unpeeling the onion: Language planning and policy and the ELT professional. *TESOL Quarterly*, 30 (3): 401—427.
- Sereedar, N. M. (2018). Tuvan language as a means of communication of Tuvans: problems and prospects. *New studies of Tuva*, 1: 4—19. DOI: 10.25178/nit.2018.1.1. (In Russ.).
- Skachkova, I. I. (2015). Language policy and language planning: definition of concepts. *Political linguistics*, 1 (51): 126—131. (In Russ.).
- Tollefson, J. W. (2007). Language planning in education. In: *Encyclopedia of Language and Education (10 volume set)*, 1. 2nd Edition. Springer. ISBN-13 978-0-387-32875-1.
- Tsybenova, Ch. S. (2013). *Modern language situation in the Republic of Tyva: sociopsycholinguistic aspect*: author’s abstract of PhD Diss. Ulan-Ude. 24 p. (In Russ.).
- Tsybenova, Ch. S. (2019). Social characteristics of the language situation in the Republic of Tyva. *Oriental Studies*, 3: 460—477. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-460-477. (In Russ.).